

УДК 338.246.2

doi:10.21685/2072-3024-2021-2-7

«Красное бедствие»: об экономических источниках господства КПК в советских районах Китая

И. Е. Пожилов

Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Москва, Россия

pozhilov1@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В статье на основе большей частью неизвестных отечественной историографии источников рассматривается социально-экономическое положение китайской деревни в период так называемой аграрной революции и политика коммунистов, связанная с укреплением устойчивости правящего режима КПК в красных анклавах на примере Центральной опорной базы в Южном Китае. Внимание автора сосредоточено на выявлении и характеристике экономических источников и происхождении финансовых потоков, способствовавших упрочению партийной диктатуры без существенной поддержки крестьянства и в условиях хозяйственного упадка, а также на анализе ряда причин краха советского проекта в стране. *Результаты.* В статье рассмотрены основные аспекты и способы «вспомоществования революции» (экспроприаций) сельских мироедов («да тухао») и нашествия за поживой китайской Красной армии на рыночные города (чоукуань); исследованы материальные возможности крестьянства и его реакция на отчуждение имущества. *Выводы.* Анализ показывает, что главной задачей экономической политики КПК являлось тотальное изъятие ценностей у сельского и городского населения, независимо от имущественного положения, в силу общего упадка деревни.

Ключевые слова: Китай, КПК, «аграрная революция», экспроприация деревенских мироедов, Красная армия, нашествия на города

Для цитирования: Пожилов И. Е. «Красное бедствие»: об экономических источниках господства КПК в советских районах Китая // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 66–78. doi:10.21685/2072-3024-2021-2-7

“Red disaster”: on the economic sources of the CCP’s domination in the Soviet regions of China

I.E. Pozhilov

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

pozhilov1@yandex.ru

Abstract. *Background.* Based on the sources mostly unknown to Russian historiography, the article examines the socio-economic situation of the Chinese village during the so-called the agrarian revolution and the policy of the Communists, associated with strengthening the stability of the ruling regime of the CCP in the “red enclaves” on the example of the Central base in South China. The author’s attention is focused on identifying and characterizing economic sources and the origin of financial flows that contributed to the consolidation of party dictatorship without significant support from the peasantry and in conditions of economic decline, as well as an analysis of some causes of the collapse of the

Soviet project in the country. *Results.* The article examines the main aspects and methods of “aiding the revolution” (expropriation) of rural rich men (“da tuhao”) and the invasion of market towns (“choukuan”) for hunt for prey of the Chinese Red Army; investigated the material capabilities of the peasantry and its reaction to the alienation of property. *Conclusions.* Analysis shows that the main task of the CCP’s economic policy was the total confiscation of values from the rural and urban population, regardless of their property status due to the general decline of the countryside.

Keywords: China, the CCP, “agrarian revolution”, expropriation of rural despots, the Red Army, invasions of towns

For citation: Pozhilov I.E. “Red disaster”: on the economic sources of the CCP’s domination in the Soviet regions of China. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2021;2: 66–78. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-2-7

Проблемы «аграрной революции» КПК, в том числе ее социально-экономические аспекты, имеют обширную как отечественную, так и зарубежную историографию. Хронологически, однако, основной массив исследовательских работ не относится к двум последним десятилетиям, отмеченным беспрецедентным количественным и качественным приумножением источниковой базы, в связи с чем не имеет оснований претендовать на сколь-нибудь достаточную фундированность оценок. В особенности данное обстоятельство характеризует российскую историческую синологию, для которой свойственно практически полное отсутствие научной литературы по теме, включая рассматриваемый в настоящей статье вопрос о происхождении немалых материальных ресурсов, обеспечивавших безраздельное властвование коммунистов в советских районах страны¹. Несопоставимо бóльшим вниманием к предмету отличается современная историография КНР, в последние годы выказывающая значительный прогресс в изучении и анализе «аграрной революции» в целом и частностях с опорой на ставшие доступными ценнейшие документы, прежде имевшие гриф «Для служебного пользования»². Вместе с тем китайским авторам, по определению приверженным марксистской догматике и методологии, явно недостает требуемой объективности и взвешенности суждений, что обуславливает необходимость дальнейшего, идеологически непредвзятого исследования темы в русле последовательного историзма.

Как бы то ни было, но первыми заинтересованными в достоверности сведений о политике КПК в советских районах лицами и одновременно обличителями «равной государственному отщепенству аграрной революции» китайских коммунистов стали представители правящей партии Гоминьдан. Один из ее вождей Ху Ханьминь в 1930 г. писал: «Люди невежественные полагают, что у компартии имеются какие-то там идейные принципы и экономические расчеты. Право же, смешно. Дорваться до власти, не устыдясь

¹ Последним из трудов отечественных авторов, посвященных «аграрной революции» и советскому строительству в Китае, является опубликованная в 1988 г. монография З. Е. Майстровой, воспроизводящая идеологизированные стереотипы восприятия исторической действительности, присущие ученым предшествующего периода [1].

² К наиболее авторитетным историкам КНР, разрабатывающим проблематику «аграрной революции» и ее хозяйственно-экономической составляющей в частности, следует прежде всего причислить Чжан Мина, Жэнь Вэя, Хуан Куня, Хуан Даосюаня и др.

обобрать крестьянство и повести на убой, а сколько сгинет неважно, – вот ее единственный принцип и единственный расчет» [2, с. 79]. Вступать в полемику с именитым политиком нет особого резона. Если обратиться к временным сводкам низовых инстанций КПК, то весомых аргументов *contra* отыскать в них будет очень трудно, зато доводов *pro* более чем достаточно. Ознакомимся, например, с майским (1931) отчетом парткома Цзянси о положении на местах: «Загублено народа прилично, так нет же все врагов выискивают. Даром ли массы пекутся, чтоб восстала прежняя жизнь, ни о чем другом не помышляя. <...> Хозяйственной политики никакой, поступают кто во что горазд. Делили-делили землю, а проку? Крестьяне не лыком шиты – видано ли, пустоши кругом¹. Доходов в казну на грош; повадились товарищи отнимать добро у *хаошэнь*², тем худо-бедно и кормятся» [5, с. 156–157].

Ленина в здешних краях, понятно, не читали, однако «вольный труд на вольной земле», что видно из документа (подобных ему сотни), обеспечили сполна и Ху Ханьминю нечаянно потрафили. Переусердствовали, правда, с сетованиями на скудную казну и сочувствием к влачащим жалкое существование «товарищам»³. Демагогия демагогией, но так сочинять небылицы не умели, пожалуй, и российские большевики. По саркастической ремарке М. Горького, одним из самых «горячо принятых к сердцу лозунгов» Октября стало «Грабь награбленное!» («самобытная революция», «грабят – изумительно») [6, с. 164]. Пролетарскому писателю и в мысли не могло прийти, что каких-нибудь десять лет спустя не в подражание наставникам-первопроходцам, едва ли не винившимся в потакании эксцессам, коммунисты Китая в своем «аграрном» перевороте сделают экспроприацию, причем всеобщую (богатеев критически не хватало), его заглавным звеном. Не случайно «да *тухао*» («потроши мироедов») в тогдашних воззваниях КПК неизменно манифестируется первым, «*фэнь тяньди*» («дели землю») – вторым (любопытно, что на эту деталь мало кто обращает внимание).

«Тупоголовым», как в запальчивости величали крестьян «попечители трудящихся»⁴, разумеется, было не по силам оценить тонкости большой политики, потому, не мудрствуя напрасно, они нарекли выпавшее им испытание бесхитростным *чихо*, или «красным бедствием» [7, с. 125]. «Да, уж эти

¹ В отличие от пореформенной России, где крестьянский (земельный) вопрос являлся ключевой проблемой общественного развития и причиной всех смут и революций, преимущественно собственническая китайская деревня Наньяна (провинции южнее Янцзы – территория максимально энергичного обустройства КПК в 1927–1934 гг.) с переделом земли, тем более принявшим перманентный характер, «прибавления в достатке» не сопрягала, апеллируя к традиционным представлениям относительно зыбкости благополучия на чужом богатстве («щетину кабана на овцу не пересадишь»). Как бы то ни было, аграрный кризис в Китае, являясь собой объективную данность, заключался не в «неравном землевладении», чего не понимали или старались не замечать коммунисты, а в общем угасании села, нуждавшегося во вложениях капитала, урегулировании арендных отношений, технико-экономических реформах, «зеленой революции» и пр. [3, с. 55]. О насаждении киткомпартией – наперекор всему – советских порядков в деревне см. [4, с. 280–314].

² *Хаошэнь* – стяжение от *тухао* и *лешэнь* («мироеды» и «злые *шэньши*»), собирательное прозвище угнетателей в деревне.

³ Товарищ (*тунчжи*) – член КПК.

⁴ В простонародной словесности, равно как и ординарной политической лексике эпохи, позитивно-оценочные прозвания КПК встречаются нечасто. Напротив, таковых с негативной коннотацией не перечесть: *гунфэй* («коммунисты-бандиты»), *хэйшидан* («черная партия убийц»), *цянцидудуй* («шайка грабителей») и т.п. [7, с. 56].

коммунисты... только и знают, что отдавать приказы массам, драть три шкуры, без разбору отправлять стариков и детишек в носильщики; в поле страда, а им дармоедам все нипочем, – докладывает центру о настроениях деревни уком КПК Синго. – Режутся в *мацзян*¹, вырядились в халаты из краденых шелков, веерами помахивают, нажрали морды... ни дать ни взять цинские чинуши» [8, с. 183].

В стерильный исторический официоз и написанные словно под копирку мемуары ветеранов партии, поющие хвалу дерзновению и аскезе ее героев, верить никто не заставляет. С другой стороны, если непостижимый дар жертвенности принять за производное их личного естества, а не наоборот (как принято считать), то почему бы и не разделить традицию. Только такими подвижниками самозабвения рождаются единицы, и китайские коммунисты исключения не составляли, будучи в массе своей – оставим мифологию в покое – мотивированы по крайней мере на заре советского движения прежде всего *баоминчжуи*, т.е. прозаически плотской «идеей самосохранения», а не чем-то еще. Выживали различными способами: раскаявшись, писали явку с повинной; отсиживались в горах, выжидая «подъема революционной волны»; партизанили, пытаясь достучаться до «двуликой крестьянской души»². Так или иначе, но к хлебу насущному имел охоту всякий.

Первыми аксиому «бунтовать на голодный желудок не годится» почувствовали наньчанские повстанцы, «дав залп по бастионам реакции», двигавшиеся на юг приниматься за «арьергардные бои». Их вожакам, «возомнившим, что деревня непременно сойдет с ума от восторга, услышав заветное “получайте землю”», уже через неделю, как и предсказывал отправленный в отставку «матерый оппортунист» Чэнь Дусю, придется признать иллюзорность упований на отклик («крестьяне не хотят выступать») [10, с. 469], а оголодавшим войскам – добавим от себя – заняться разбоем. Пока солдаты, бряцая оружием, добывали еду и серебро, руководящий синклит (две трети членов Политбюро), обсуждал вопрос о предпочтениях: «потрошить всех подряд» (разверстка) либо «да *тухао*». Спорили часами и склонились к классовому подходу, но скоро передумали, поскольку «народ своих упырей не выдавал, а то и не ведал, с чем их едят»³. Разобраться же, что называется, на

¹ Китайский покер.

² Масштабы и жестокость гоминьдановской «зачистки коммунистов» на реверсе Национальной революции в исторической литературе континентального Китая очень сильно преувеличены. Казни либо тюремному заключению подлежали лишь не способные к покаянию члены партии; остальных перевоспитывали после добровольной сдачи властям. Результат не замедлил сказаться: пожелавших порвать с партией оказалось столько, что к ноябрю 1927 г. численность КПК сократилась не больше не меньше, чем на три четверти. Даже те, кому досталось действовать в сравнительно безопасном захолустье, скрывались в труднодоступных районах, искусно маскируя трусоватость и колебания «сбережением сил» [9, с. 58–59].

³ Кровнородственная деревенская община в Китае (*цзунцзу*) не знала серьезных и тем более антагонистических противоречий (сводились на нет неразрывными семейными узами, равнодоступными общественными землями, взаимовыручкой, заповедями моральной экономики и пр.). Поле конфликтности истари располагалось здесь между «маргинальными» (бедными) и «клановыми» (богатыми) поселениями, что и позволяло коммунистам хоть в какой-то мере провоцировать классовую борьбу под лозунгом «Долой могущественные кланы!» До времени, т.е. покуда КПК не обзавелась стабильными опорными базами, как правило, не

глазок, «у кого достаток, у кого ни то ни се», плохо получалось: «за вычетом верхушки и *чипинь* (отчаянной голытьбы), пробавлялись дворы, куда ни глянь, примерно одинаково, никто сбережениями не хвастал»¹. Тогда на годы вперед и вынесли неписанный вердикт: «Были б деньги, какая уж тут политика» [11, с. 55–56].

Ясно, что в публичной риторике и директивах ЦК партийным низам, жаждавшим крови угнетателей («большевизм – это вам не ласы точить, а убивать») и достояния толстосумов («выбьем все до полушки, попрошайничать пойдете»), строго-настрого предписывалось «не покушаться на интересы трудового крестьянства», ограничивая спрос «исключительно с помещиков и *хаошэнь*» [12, с. 87]. Однако, несмотря на расхожие в исторической литературе декламации, ни в Шанхае, ни в региональных бюро КПК к начертанию критериев подлежащего отчуждению движимого имущества даже не приступали, и эта заведомая «оплошность» открывала широкий простор для произвола и бесчинств в отношении любого, кто имел хоть что-то, помимо крыши над головой [13, с. 43]. Ведь где-то и нередко так оно и бывало, по поводу чего крестьяне, обескураженные «ненасытной обдиравкой Советов», только охали да причитали: «Это что ж за власть такая, твою мать, либо бандитская?» [14, с. 158].

Впрочем, касательно сомнений «деревенщины, погрязшей в крохоборстве и стяжательстве», в партии долго не тревожились. После серии сокрушительных провалов так называемых восстаний осеннего урожая бремя перевода abortивной революции в цепко направляемый процесс выпало принять складывающейся на ту пору китайской Красной армии – *Хунцзюнь*², обыкновенно состоявшей из бывших солдат-наемников гоминьдановских войск, сельского люмпена и бродяг, как нельзя более отзывчивых на коммунистическую агитацию в силу полнейшей утраты трудовых навыков и элементарных признаков благонравия. Однако их, «лелеявших мечту о неотторжимой плошке риса задарма и денежкой в придачу», увлечь приглашением поработать на конфискованной помещичьей земле или популярным тогда лозунгом «мы не рабочий скот, а люди труда», было непросто. Зато, предварительно и непременно выдав приличествующее новому статусу жалованье, поднять на «праведное» мародерство и мщение «классовым паразитам», напротив, очень легко [15, с. 81–82]. «Когда есть добыча, – сообщается в одном из донесений штаба 3-й армейской группы КитРККА, – бойцам нравится воевать и, по их словам, “без войны скучно жить”» [16, с. 204].

В сочетании с апологией возведенного в абсолют насилия «вдохновляющий грабеж», с чем никак не могли смириться взывавшие к революционной

участвовали во внутриобщинном противостоянии и здешние партиячки, состоявшие из членов одной семьи, которым, раз на то пошло, рекомендовалось «делать революцию подальше от дома» [4, с. 288–290].

¹ Доля *пиньгунун* (крестьян-бедняков и батраков), которым коммунистами отводилась ведущая роль в советизации деревни, в общей численности крестьян на территории будущих опорных баз КПК колебалась на отметках, близких к статистической погрешности. Так, в уезде Синго провинции Цзянси, т.е. самом «сердце» Центрального советского района, она составляла менее 1 %, а в фуцзяньском Юндине *пиньгунун* не было вовсе. В целом же по Центральному советскому району «горючая» субстанция совокупно укладывалась максимум в 3 % [3, с. 59].

² Официальное название вооруженных сил КПК – Рабоче-крестьянская Красная армия Китая (КитРККА).

сознательности «партийцы-белоручки», давал эффект поразительный и с индоктринацией идеями, позаимствованными из замусоленных марксистских брошюр, положительно несопоставимый. На базах КПК незаметно, но твердо и бесповоротно усвоили, что «без Красной армии ничего не решить»; пускай она «громит врага»; «ведет пропаганду»; «дает деньги, зерно, соль, товары», «работает в поле» и даже «покупает себе солдат». А далее, подзабыв о «затравленных массах, жаждущих действия», о «партии как рулевом» и прочая, — чем не эрозия незыблемых основ? — обращались к оглашению альфы и омеги радикально переустроенного, вернее поставленного с ног на голову, бытия: «Хунцзюнь — это наше все!» [16, с. 166].

Все не все, но осязаемо материальную твердь «триумфальному шествию советской власти» по периферии Поднебесной вооруженные силы КПК обеспечивали почти целиком и полностью. У китайских товарищей, намеревавшихся «разжечь пожар революции порывом крестьянства и ради крестьянства», этого по-ленински «лучшего человеческого материала против коммунистов» [17, с. 401] (весьма любопытная антитеза вздорному фантазму Мао о невероятных бунтарских потенциях сельского обывателя), собственно, не нашлось иного выхода, как озадачить военных в придачу к фронту еще и тылом. Штатским уполномоченным «финансово-продовольственных комитетов» и «зерновым командам» комсомольцев справиться со «скальдами, не желавшими подобру-поздорову содействовать строительству царства свободы», было явно не по плечу¹. Если деревня скрепя сердце и мирилась с пришествием созидателей «неведомо чего» («глядишь, и поумнеют»), то дальше уплаты «законной подати» ни на какие уступки не шла: «Это ж надо как исхитрились — де всем все поровну, по справедливости; ты, мол, не горюй и стаскивай последние портки в подарок голодранцам, сторицей обернется; так вот, не дам я советчине ни штанов, ни пучка соломы» [19, с. 78].

Оратору, столь героически собиравшемуся встать на защиту нажитого, видимо, еще не довелось познакомиться с красноармейской методой врачевания собственнического синдрома. А она, будучи для «раскачки» упреждена неслыханным террором с подобающим девизом «жги и убивай», показывала, если иметь в виду неподъемность задачи, весьма неплохие результаты. Имманентное каждому живущему уберечь себя, чад и домочадцев за очевидным преимуществом перевешивало еще вчера бескомпромиссное «не дам», и в выборе между «раскошелиться по-хорошему» или «по-плохому» несчастные, как правило, предпочитали первое². Хотя плановых заданий по изъятию

¹ Ничтожной восприимчивости крестьянства к заманчивым обещаниям КПК поспособствовала только что завершившаяся Великая революция, в которой оно приняло самое активное участие в надежде на послабления, причем весьма и весьма скромные, но оставшиеся не реализованными. «Гоминьдан тоже заманчиво трубил, а сейчас встал у кормила и про наши невзгоды забыл, брезгует нами, притесняет нас, — роптала деревня. — Чем лучше коммунисты? Заграбастают власть и все будет как было» [18, с. 156].

² Наведываясь в то или иное селение, части Красной армии расклеивали по приглянувшимся им домам «квитанции-платежки» с предложением хозяину честно оценить стоимость своего имущества самостоятельно и выплатить «контрибуцию» к определенному сроку. В таком случае ему сохраняли жизнь и гарантировали безопасность. Если *тухао*, «не желая делиться», утверждал, что заначек не имеет или пускался в бега, его дом и постройки после тщательного обыска сжигались, а всю семью и ближайших родственников брали в заложники. Условия варианта «по-хорошему», однако, очень часто нарушались, и с откупившимися расправлялись под предлогом «причастности к преступлениям против революции». Вот как

кулацких накоплений Красная армия не выполняла и выполнить не могла (верстались под кратно завышенные ожидания¹), обеспечить безбедное существование режима сталась вполне способна, ибо от рождения привыкла добывать деньги в «лоснящихся от жира» городских центрах, а не «убогой глухомани»². Именно города, к тому же исконно воспринимавшиеся крестьянством «рассадником зла и лиха», превратились в суть единственно безотказный источник поступлений в бюджет Советов, погашения непомерных военных расходов и, главное, крепости внушительной толщи партийной бюрократии, только по Центральной революционной базе насчитывавшей до 350–400 тыс. *ганьбу* и персонала на 2,2 млн населения [17, с. 287].

Вопреки очевидному «Дашь города!» китайские историки от партийного цеха настойчиво уверяют, что в отличие от деревни, где проводилась политика «убить курицу, чтобы взять яйцо», в отношении городских имущих слоев коммунистам была свойственна совершенно иная, «охранительная» позиция – «убережь несущую», или «Защитим мелкую буржуазию!» в ее лозунговом звучании³. Некие основания для подобных вымыслов есть⁴, однако красноармейская практика обложения коммерции «корректным» налогом продолжалась недолго, замесившись грабежом всех мало-мальски состоятельных горожан ввиду постоянных, как тогда говорилось, «финансовых затруднений», решение которых не терпело отлагательств («разорь курятник, нет сил дожидаться»). Апология современной историографией «особой» линии КПК по отношению к городу проистекает из желания приписать партийным лидерам то, чем они никогда не отличались, – заботу о жизненных интересах промышленного пролетариата, который больше других пострадал бы

рапортует об итогах одной из подобных акций *Хунцзюнь* западнофуцзяньский особком КПК в июне 1929 г.: «Сегодня в советских деревнях почти все подлежащие покаранию мироеды казнены, остальные сбежали; конфисковано все без остатка; нельзя утверждать, что паршивый элемент искоренен по району до основания, но большинство – это факт» [20, с. 162].

¹ Ложь о якобы «несметных богатствах деревенских тиранов», которую не уставала тиражировать коммунистическая пропаганда, как нельзя убедительнее опровергает в своем дневнике Чжан Наньшэн, ротный политрук из 12-го корпуса *Хунцзюнь*, десятки раз участвовавший в экспедициях за поживой на селе. Типичная запись: «14 января 1931 г. схватили трех *тухао* в Шанси, отобрали утварь и девять юаней из тайников; 15-го числа в Шанью задержали одного *тухао*, отловили в сарае шесть уток; 16-го числа забили свинью у *тухао*, мясо поделили на 200 душ для разогрева революционного пыла...» [13, с. 109].

² Сразу после захвата Наньчана мятежные войска под водительством КПК немедленно подвергли разграблению крупнейшие банки и коммерческие фирмы провинциального центра, продолжив практику «удить крупную рыбу» на всем маршруте движения в Гуандун [11, с. 33–34].

³ Даже летом 1930 г., на подъеме радикально левого курса, когда от «кровососов всех мастей» не осталось и следа, лозунг продолжал украшать стены домов в Цзянси и Фуцзяни, встречаясь гораздо чаще, чем, например, «Отберем помещичью землю!» либо «Руки прочь от Советской России!» [16, с. 259].

⁴ На старте «аграрной революции» схему заключения с деловым сообществом города корпоративных договоров на условиях выплаты 1,2 % совокупного дохода вместо конфискаций использовал Чжу Дэ, в будущем главком КитРККА. К такой, более чем приемлемой, ставке *хунсэ факуань* (штрафного налога в пользу красных) добавлялись оптовые закупки армией провианта и промтоваров по «справедливой цене», что значительно перекрывало убытки купцов. Исполком Коминтерна признал начинание «правооппортунистической ошибкой» со всеми вытекающими последствиями [21, л. 4–5]. Кроме того, гоминьдановским властям не составляло проблемы разоблачать и сурово наказывать «торгашей-отступников» по законам военного времени, что в конечном итоге – наряду с исправными проявлениями нежелания коммунистов считаться с договоренностями – поставило точку в «цивилизованных» контактах КПК с буржуазией [6, с. 124–125].

от намеренно привнесенной революцией «снабжениеской разрухи». Попутно превозносится «завидная миссия» получившего землю крестьянина-бедняка, «на радостях обеспечивающего советы изобилием довольствия» и «с презрением взиравшего на всякие там столицы» [12, с. 282; 13, с. 58–59].

Вместо «изобилия» массам хлебородного края¹ впервые за века досталось изведать и выстрадать прежде казавшееся немыслимым присловье «Свыкайся с нищетой!», ставшее, вероятно, самым удручающим откровением времени. Между тем о *чоукуань* (вспомоществование [революции])², как не без иронии окрестили в войсках излюбленное занятие, слагались духоподъемные вирши и агитки, его ударников и передовиков славил в газетах, «про сколько деньжат взято судачили на улице»; редко кто из руководящих *ганьбу*, докладывая о скверном положении во вверенном хозяйстве и мрачных перспективах, уходил от притяжения этого полусакрального символа преуспеяния, без которого «мы решительно не протянем»³. И пусть простому крестьянину доставались лишь крохи от солидных трофеев, да и то далеко не всегда, они порой не давали ему банально умереть с голоду⁴. На поверку, действительно, оказывалось так, что без тучного и регулярного *чоукуань* как чудодейственной панацеи от кричащих социально-экономических проблем – не в пример «хозяйственным бдениям, от которых партийцы шарахались пуще всего на свете» [8, т. 3, с. 137], – дебют советской республики стал бы и ее финалом.

Для Красной армии «хождения за вспомоществованием» со временем обернулись не только «полезной во всех отношениях отрадой», но и приравненной к боевому разряду задачей, а также, что еще показательнее, наделенной политической значимостью функцией путем передачи ответственности за ее выполнение армейским парткомам и политкомиссарам как носителям верховенства в войсках⁵. Директивы главкома на наступательно-оборонительные операции КитРККА в обязательном порядке сопровождалась соответствующими распоряжениями (зачастую развернутыми приказами) по *чоукуань* с назначением «сумм сборов» каждому корпусу и отдельным дивизиям (обычно от 10 до 30 тыс. юаней серебром⁶ в зависимости от численности личного состава и районов прочесывания), графика отчетности, начальствующих лиц и т.д. [24, с. 38–39]⁷. Наконец, насколько серьезное внимание

¹ В письме ЦК КПК от 2 февраля 1928 г. констатируется, что в провинции Цзянси «крестьян-собственников больше всего по Китаю», не считая того, что она лидирует и по сборам зерна на душу населения, опережая Хунань или Аньхуэй в три раза [22, с. 57].

² *Чоукуань* в современном китайском языке адекватно понятию «фандрайзинг».

³ О магическом значении *чоукуань* в сознании партийных и советских кадров см. [8, т. 3, с. 139–142].

⁴ Поначалу крестьяне более чем активно участвовали в опустошительных нашествиях Красной армии на города, однако из-за постоянных конфликтов с командованием (слишком зарывались в мародерстве, умудряясь «тащить буквально все, что плохо лежит») вскоре от «источника благоденствия» были устранены, что вызвало известную напряженность в их взаимоотношениях с войсками [23, с. 134–135, 160–163].

⁵ Ранее вопросы *чоукуань* находились в ведении тыловых служб [7, с. 59].

⁶ По тогдашним рыночным ценам за 1 юань можно было приобрести около пуда риса.

⁷ Нередко масштабные акции фандрайзинга КитРККА проводила даже в ущерб военно-политической целесообразности, оставляя без защиты советские районы. Так, к примеру, случилось в июне 1931 г. буквально накануне 3-го карательного похода Гоминьдана, когда ее основная группировка, даже не выставив заслонов, покинула Центральную базу и вторглась для

коммунистами уделялось этому вопросу, говорит тот факт, что в военных училищах и школах – «в связи с острой необходимостью» – стали преподавать (наряду с политграммой, тактикой, стрелковой подготовкой и пр.) обязательную специальную дисциплину «Что надо знать о *чоукуань*», а в учебном пособии с таким же названием были изложены все премудрости «искусства поиска, изыятия, сортировки и учета конфиската» [26, с. 128–129, 147–150].

Урожайные по части фандрейзинга годы прошли незаметно и не внесли никакой лепты в устойчивость экономического фундамента советской власти – огромных финансовых средств, захваченных у «доноров революции», хватало лишь на текущие нужды войны, пропаганду и упрочение «пролетарской диктатуры». И когда весной 1931 г. гоминьдановское командование приступило к строительству спаянных в единую цепь полевых узлов обороны по правобережью р. Ганьцзян и северному обводу вплоть до Цзяньнина (в завершённом виде ее протяженность достигла около 400 км по фронту)¹, Красной армии пришлось столкнуться с немалыми трудностями в нащупывании участков прорыва на оперативный простор и ощутимыми потерями в боях с врагом на подготовленных позициях [16, с. 16–17]. Впоследствии, по мере сжатия обруча блокады, исчезла и такая возможность², что привело к полному развалу отлаженного механизма пополнения казны и закономерному краху коммунистического эксперимента на китайской земле.

Несмотря на то что каждому в советских базах было хорошо известно, за счет чего существует правящий режим, его представители никогда не разглашали суммарных величин денежных потоков, образуемых поступлениями от различных видов *чоукуань*. Наверное, единственным, но крайне примечательным указанием на его долю в резервах властей является заявление Мао Цзэдуна, сказавшего на II съезде советов в 1934 г.: «Как свидетельствует опыт, доходы по этой статье приходов занимают подчас главное место» [28, с. 21]. Если учесть, что на подобных форумах толкуют преимущественно о достижениях, то «подчас» в сентенции председателя ЦИК республики смысловой нагрузки не несет и воспринимается не больше, чем вводной фигурой речи.

Какова же была ситуация в реальном секторе экономики (в основном в сельском хозяйстве, поскольку промышленности, включая кустарную, в Южной Цзянси практически не было) и особенно ее социальных измерениях, если доходы от *чоукуань* главенствовали среди всех остальных?

грабежа в Западную Фуцзянь. С началом похода частям КПК пришлось в условиях страшной жары и разразившейся дизентерии совершить изматывающий 500-километровый обратный марш под непрерывными налетами авиации противника. В «Тезисах для пропаганды» (от 13 июня 1932 г.), составленных политотделом Цзянсийского ВО КитРККА, отмечалось: «В период прошлогодней третьей войны в советском районе Цзянси не оказалось ни одного населенного пункта, куда бы не добралась белая армия» [25, с. 228].

¹ Как известно, продвижение Центральной армейской группы *Хунцзюнь* в западном, северо-западном и южном направлении стало невозможным еще с ноября 1930 г. после оставления Цзиани и выхода на границы района гуандунских дивизий. Аналогичной стратегии так называемой блокадной войны правительственные войска придерживались и в отношении других опорных баз КПК.

² В гораздо меньших масштабах и эпизодически промысел по «выбиванию денег у мироедов» продолжили специально подготовленные партизанские отряды, просачивавшиеся на территорию противника с целью захвата заложников, включая малолетних детей, за которых через сеть посредников вымогались деньги у родни. Выкуп, тем не менее, не означал освобождения, и, как правило, жертв киднеппинга убивали [27, с. 645–646].

Поначалу обеспокоенная натиском коммунистов на капиталы помещиков и *хаошэнь*, а затем всерьез перепуганная конфискациями «излишков» у крепких хозяев-середняков, деревня «замерла в нескрываемой тревоге» и отныне озаботилась в сущности лишь тем, «дабы часом не загреметь в “кулацкий элемент”»¹. Так как земельные наделы – в целях «искоренения возможности размножения эксплуататора и выравнивания зажиточности» («водятся деньги, значит буржуй») – кроились властями по многу раз, «крестьяне не верили, что земля на самом деле принадлежит им и потому обрабатывали ее спустя рукава либо из рук вон плохо, ведь все равно что-нибудь да урежут» [18, с. 155–156]. Не придавали трудового энтузиазма и установленные советами твердые закупочные цены на зерно и другую сельхозпродукцию (в два раза ниже сложившихся по белым районам); усугубляло положение также обесценивание *суби* (денежной единицы Советской республики), принимали которую по номиналу только в казенных магазинах с пустующими полками, на рынках же курс привязывался к *гоби* как основной национальной валюте, стоившей пятикратно дороже «большевистских бумажек». Если учесть то обстоятельство, что трудовое крестьянство советских окраин помимо регулярных раскулачиваний, подвергалось нескончаемым реквизициям, выплатам за облигации оборонных займов, «добровольным отчислениям в пользу фронта» и т.д., то совокупное бремя «революционных поборов» очень скоро превысило налоговую ставку на подконтрольных Гоминьдану территориях в три раза [29, с. 286]. Последней каплей, переполнившей чашу терпения донельзя обветшавшей деревни, стало инициированное сверху в 1933 г. массовое движение «проверки распределения земли» (*чатьянь юньдун*), грозившее полной уравниловкой в нищете². На ультралевоый уклон КПК крестьянство солидарно ответило полной натурализацией хозяйства, сокращением посевных площадей, забоем скота и птицы, что вкупе с уже непроницаемой блокадой советских районов привело к голоду и товарному дефициту всего и вся³.

Запустив проект «аграрной революции», китайские коммунисты разрушили старый экономический порядок, но нового так и не создали, подменив его инъекциями *чоукуань*, некоторое время позволявшими политическому режиму и выживать и даже совершать победоносные «революционные

¹ Голытьба, на которую очень рассчитывали коммунисты, видя в ней «нового идейного середняка», еще в начале революционных событий повально подалась устраиваться на «хлебные места» в советские и партийные органы, отряды самообороны, армию и т.д., вскоре составив собою «новую правящую касту туенядцев» [8, с. 22–23].

² На улице Ленина в Юйду пару месяцев висел баннер, который власти по недомыслию не догадывались снять, пока не заглянуло высокое начальство, посчитавшее текст «издевательским». На нем кто-то из местных остряков написал: «Бедность – свобода! Богатство – обуза!» [30, с. 126].

³ Разрушению остатков хозяйства способствовал массовый призыв крестьянства в Красную армию. Так, с марта 1932 по сентябрь 1934 г. только по Центральному советскому району он составил 270 тыс. человек, что означало этапирование на фронт фактически всей молодежи мужского пола; из-за больших потерь в «пятой войне» не избежали мобилизации и все остальные призывные возрасты, после чего в иных селах и деревнях в поле выходили только старики, женщины и детвора [19, с. 78–79].

походы», а крестьянству, по сути обращенному в государственное рабство, безотчетно подавлять в себе желание создавать материальные блага своим трудом. Историки КНР по-разному именуют экономический уклад, сложившийся в советских районах страны. Это и «интегрированная военно-гражданская», и «мобилизационная», и «сверхмобилизационная» экономика, и даже «военный коммунизм» [31, с. 244]. Отдавая должное их терминологическим изысканиям, отметим, что для паразитарного по своей природе экономического устройства, каковое вызрело и оформилось в регионах господства КПК, не так важно, насколько та или иная дефиниция исчерпывает понятие. На наш взгляд, вполне тождественным ему определением стала бы «экономика *да тухао* и *чоукуань*», как и повелось называть сложившиеся реалии еще в то время.

Список литературы

1. Майстрова З. Е. Становление революционной власти в советских районах Китая. 1927–1937. Новосибирск, 1988. 157 с.
2. Ху Ханьминь сяньшэн сюаньцзи (Избранные произведения г-на Ху Ханьминя). Тайбэй, 1959. 312 с.
3. Чжан Мин. Хунцзюнь чанчжэн чжи ми (Тайны Великого похода Красной армии) // Эршии шицзи. 2007. № 2 (99). С. 54–64.
4. Пожилов И. Е. Компартия и Красная Армия Китая в советизации китайской деревни // Китай: политика, история, культура. М., 2018. С. 280–314.
5. Цзянси гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1931 нянь (Документы по истории революции в Цзянси. 1931 год). Наньчан, 1992. 304 с.
6. Горький М. Несвоевременные мысли (Заметки о революции и культуре). Париж, 1971. 186 с.
7. Ли Ичжи. Цзяогун суйцзюнь жицзи (Дневник участника карательного похода против коммунистов). Гуанчжоу, 1932. 131 с.
8. Синго вэньши цзыляо сюаньцзи. Нэйбу фасин (Избранные материалы по истории и культуре Синго. Для служебного пользования : в 3 т.). Наньчан, 1984. Т. 3. 155 с.
9. Жэнь Вэй. Гэмин баоли дэ юаньци юй тэчжи и «хунсэ кунбу» вэй чжунсинь дэ таньтао (Источники революционного насилия и особенности «красного террора» как его основы) // Тайвань шида лиши сюэбао. 2014. № 51. С. 55–63.
10. Тан Баолинь. Чэнь Дусю цюаньчжуань (Полная биография Чэнь Дусю). Сянган, 2011. 254 с.
11. Циньли Наньчан ции (Участники о Наньчанском восстании). Наньчан, 2007. 234 с.
12. Пинцзян ции: цзыляо сюаньцзи (Пинцзянское восстание: избранные материалы). Пекин, 1984. 623 с.
13. Данши яньцзю цзыляо (Исследовательские материалы по истории партии : в 8 т.). Чэнду, 1985. Т. 5. 483 с.
14. Э-Юй-Вань гэмин гэньцзюйди (Революционная опорная база Хубэй-Хэнань-Аньхой : в 15 т.). Чжэнчжоу, 1990. Т. 3. 246 с.
15. Чэнь Гунбо. Кусяо лу (Смех сквозь слезы: записки). Пекин, 1981. 435 с.
16. Чжунъян гэмин гэньцзюйди шиляо сюаньбянь (Избранные материалы по истории Центральной революционной опорной базы : в 3 т.). Наньчан, 1982. Т. 1. 165 с.
17. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 39. Июнь – декабрь 1919. 5-е изд. М., 1970. 623 с.
18. Хуан Даосюань. Чжунъян суцзюй дэ гэмин: чжанли юй сяньцзе (Революция в Центральном советском районе: напряжение и предел). Пекин, 2011. 485 с.
19. Цзянси гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1929 нянь (Документы по истории революции в Цзянси. 1929 год). Наньчан, 1992. 162 с.

20. Хунсыцзюнь жу Минь хэ Гутянь хуэйи вэньсянь цзыляо (Документы и материалы по 4-му корпусу КитРККА в Фуцзяни и гутяньской конференции). Фучжоу, 1979. 313 с.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 514. Оп. 1. Д. 487.
22. Диэрцы гонэй гэмин чжаньчжэн шици туди гэмин вэньсянь сюаньбянь (Избранные документы по аграрной революции в период Второй гражданской революционной войны). Пекин, 1987. 378 с.
23. Гуандун гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1928–1931 нянь (Документы по истории революции в Гуандуне. 1928–1931 гг.). Гуанчжоу, 1984. 202 с.
24. Чжу Дэ цзюньши вэньсюань (Избранные военные произведения Чжу Дэ : в 2 т.). Пекин, 1997. Т. 1. 435 с.
25. Цзянси гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1931 нянь (Документы по истории революции в Цзянси. 1931 год). Наньчан, 1992. 195 с.
26. Чжунго гуннун Хунцзюнь дисы фанмяньцзюнь чжаньши цзыляо сюаньбянь. Фуцзюань (Избранные материалы по боевой истории 4-го фронта Китайской рабоче-крестьянской Красной армии. Дополнительный том). Пекин, 1993. 307 с.
27. Сян-Гань гэмин гэнъцзюйди (Революционная опорная база Хунань-Цзянси). Пекин, 1991. 217 с.
28. Мао Цзэдун. Чжю сувэйай нэнго цзю Чжунго (Только советы способны спасти Китай). Мосыкэ, 1934. 32 с.
29. Чжунъян гэмин гэнъцзюйди цзиньжун шуйшоу шиляо сюаньбянь (1929–1934) (Избранные исторические материалы по финансам и налогообложению в Центральной революционной опорной базе (1929–1934)). Фучжоу, 1985. 281 с.
30. Цзянси данши цзыляо (Материалы по истории парторганизации Цзянси : в 10 т.). Наньчан, 1988. Т. 4. 181 с.
31. Чжан Кань, Сюй Чанчунь. Чжунъян суцзюй цайчжэн цзинцзи ши (Финансово-экономическая история Центрального советского района). Пекин, 2014. 344 с.

References

1. Maistrova Z.E. *Stanovlenie revolyutsionnoy vlasti v sovetskikh rayonakh Kitaya. 1927–1937 = The formation of revolutionary power in the Soviet regions of China. 1927–1937*. Novosibirsk, 1988:157. (In Russ.)
2. Khu Khan'min' syan'shen syuan'tszi. Taybey, 1959:312.
3. Chzhan Min. Khuntszyun' chanchzhen chzhi mi. *Ershii shitszi*. 2007;2(99):54–64.
4. Pozhilov I.E. The Communist Party and the Red Army of China in the Sovietization of the Chinese countryside. *Kitay: politika, istoriya, kul'tura = China: politics, history, culture*. Moscow, 2018:280–314. (In Russ.)
5. Tsyanshi gemin lishi ven'tsyan' khueytszi. 1931 nyan'. Nan'chan, 1992:304.
6. Gor'kiy M. *Nesvoevremennye mysli (Zametki o revolyutsii i kul'ture) = Untimely thoughts (Notes on revolution and culture)*. Parizh, 1971:186. (In Russ.)
7. Li Ichzhi. Tsyaoogun suytszyun' zhitszi. Guanchzhou, 1932:131.
8. Singo ven'shi tszylyao syuan'tszi. *Neybu fasin*. Nan'chan, 1984;3:155.
9. Zhen' Vey. Gemin baoli de yuan'tsi yuy techzhi i «khunse kunbu» vey chzhunsin' de tan'tao. *Tayvan' shida lishi syuebao*. 2014;51:55–63.
10. Tan Baolin'. *Chen' Dusyu tsyuan'chzhuan'*. Syangan, 2011:254.
11. Tsin'li Nan'chan tsii. Nan'chan, 2007:234.
12. Pintszyan tsii: tszylyao syuan'tszi. Pekin, 1984:623.
13. Danshi yan'tszyu tszylyao. Chendu, 1985;5:483.
14. E-Yuy-Van' gemin gen'tszyuydi. Chzhenchzhou, 1990;3:246.
15. Chen' Gunbo. *Kusyao lu*. Pekin, 1981:435.
16. Chzhun'yan gemin gen'tszyuydi shilyao syuan'byan'. Nan'chan, 1982;1:165.

17. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t. T. 39. Iyun' – dekabr' 1919. 5-e izd. = Complete collection: in 55 volumes. Volume 39. June – December 1919. The 5th edition.* Moscow, 1970:623. (In Russ.)
18. Khuan Daosyuan'. *Chzhun"yan sutsyuy de gemin: chzhanli yuy syan'tsze.* Pekin, 2011:485.
19. *Tszyansi gemin lishi ven'tszyan' khueytszi. 1929 nyan'.* Nan'chan, 1992:162.
20. *Khunsytszyun' zhu Min' khe Gutyan' khueyi ven'syan' tszylyao.* Fuchzhou, 1979:313.
21. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 514. Op. 1. D. 487 = The Russian State Archive of Social and Political History. Fund 514. Item 1. File 487.* (In Russ.)
22. *Diertsy goney gemin chzhan'chzhen shitsi tudi gemin ven'syan' syuan'byan'.* Pekin, 1987:378.
23. *Guandun gemin lishi ven'tszyan' khueytszi. 1928–1931 nyan'.* Guanchzhou, 1984:202.
24. *Chzhu De tszyun'shi ven'syuan'.* Pekin, 1997;1:435.
25. *Tszyansi gemin lishi ven'tszyan' khueytszi. 1931 nyan'.* Nan'chan, 1992:195.
26. *Chzhungo gunnun Khuntszyun' disy fanmyan'tszyun' chzhan'shi tszylyao syuan'byan'.* Futszyuan'. Pekin, 1993:307.
27. *Syan-Gan' gemin gen'tszyuydi.* Pekin, 1991:217.
28. Mao Tszedun. *Chzhiyu suveyay nengo tszyu Chzhungo.* Mosyke, 1934:32.
29. *Chzhun"yan gemin gen'tszyuydi tszin'zhun shuyshou shilyao syuan'byan' (1929–1934).* Fuchzhou, 1985:281.
30. *Tszyansi danshi tszylyao.* Nan'chan, 1988;4:181.
31. Chzhan Kan', Syuy Chanchun'. *Chzhun"yan sutsyuy tsaychzhen tszintszi shi.* Pekin, 2014:344.

Информация об авторах / Information about the authors

Игорь Евгеньевич Пожилов

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр новейшей истории Китая, Институт Дальнего Востока Российской академии наук (Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: pozhilov1@yandex.ru

Igor E. Pozhilov

Candidate of historical sciences, leading researcher, Center of modern history of China, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky avenue, Moscow, Russia)

Поступила в редакцию / Received 16.11.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 11.01.2021

Принята к публикации / Accepted 29.01.2021